

Мифопоэтический образ Родины в советской песне 1940–1980-х гг.

В статье раскрываются разные грани одного из основных образов советской эпохи – мифопоэтического образа Родины и его воплощении в массовой и эстрадной песне 1940–1980-х гг.

Ключевые слова: советская песня, мифопоэтика, образ Родины-матери, русская ментальность, простор, широта и раздолье русской земли, образ дерева, образ цветка, образ певчей птицы, Родина – космос, Родина – малая Родина, дом, путь

Vera V. Leleko

Mifopoetical image of the Homeland in the Soviet song in 1940–1980's

The article contents different sides of one of the main images of the Soviet era – a mifopoetical image of the Homeland and its embodiment in the mass and variety song of the 1940th – reveal the 1980th years.

Keywords: Soviet song, mifopoetika, image of the Motherland, Russian mentality, scope, width and expanse of Russian land, image of tree, image of flower, image of songbird, the Homeland – space, the Homeland – the small Homeland, house, a way

Среди песен патриотической тематики выделяются песни о Родине, которые отличаются значительным разнообразием идейного, поэтического и музыкального содержания. Скажем вначале о тех из них, которые имели характер торжественного славения и были предназначены для исполнения на официальных праздничных мероприятиях, т. е. представляли официальную советскую мифопоэтику. Прежде всего следует назвать «Гимн СССР» А. В. Александрова – С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана (1944). Известно, что после XX съезда КПСС он исполнялся в инструментальной версии, без слов, так как в первой версии гимна упоминался Сталин и армия. Новые слова появились к 50-летию Октябрьской революции, в 1977 г. В новой редакции текста гимна как заклинание повторялось слово «свобода». Оно звучало во всех куплетах и два раза – в припеве. Республики, Отечество были «свободными», «солнце свободы» «сияло нам» «сквозь грозы». СССР пелась здравица, Отечество прославлялось. Не были забыты «дружба народов», нерушимость союза «республик свободных», партия Ленина, ведущая нас «к торжеству коммунизма» по пути, который «озарил» «Ленин великий». Упомянулось и Красное знамя как один из государственных символов, и наша «беззаветная верность» ему. Налицо комплекс основных советских символов и образов-мифологем.

Песни, славящие Россию, Родину, герой которых признается в самоотверженной и преданной любви к ней, песни, звучавшие в праздничных официальных концертах, в большом количестве писал С. Туликов – один из самых «придворных» композиторов советской эпохи. Их музыка в основном гимнического склада, а слова – патриотического

характера: **«Родина, тебе я славу пою! / Родина, я верю в мудрость твою! / Все твои дороги, все твои тревоги / Я делю с тобой, земля моя!»** («Родина» сл. Ю. Полухина (1960)). **«Славься страна гордой мечты!»** («Тост о Родине» сл. Г. Ходосова (1967)). **«Родина моя, / Что будет и что было, – / Все я пополам / С тобою разделю / Вовсе не затем, / Чтоб ты меня любила, / Просто потому, / Что я тебя люблю!»** (сл. М. Танича (1965)¹). Этим песням близки по поэтическому содержанию и характеру музыки «Моя Родина» А. Долуханяна – М. Лисянского (1960-е гг.), «Россия» Д. Тухманова – М. Ножкина (1967) и др.

В советской песне широко представлен близкий обрисованному, но более интимный, с одной стороны, и «архетипический», с другой, **образ Родины-матери**. В годы Великой Отечественной войны, когда во весь рост встает вопрос о защите родной земли, образ Родины-матери вызывается из глубин народной памяти, становится жизненно необходимым, используется официальной культурой. Достаточно вспомнить знаменитый плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» Но и раньше, до войны, в своего рода гимне Родине – песне «Широка страна моя родная» И. Дунаевского – В. Лебедева-Кумача (1935), утверждается: **«Как невесту Родину мы любим, / Бережем как ласковую мать»**. Этот образ продолжал быть актуальным для официальной советской культуры, в том числе для массовой песни, и в послевоенные годы. Примером тому могут служить: «Артековский вальс» Д. Кабалевского – В. Викторова (1961): **«Родина милая, родина-мать, / Как же спасибо тебе не сказать / За крымскую сказку, заботу и ласку, / Как же спасибо тебе не сказать!»**; «Ты позови

Мифопоэтический образ Родины в советской песне 1940–1980-х гг.

меня, Россия» В. Левашова – В. Харитоновой (1970), где поется о сыновьем отношении к России как к матери; «Ты, Россия моя» С. Туликова – С. Острова (1960).

Подчеркнем еще раз архаичность и архетипичность образа Родины-матери, который, учитывая это, можно считать мифологемой. Для русского крестьянина образ родной земли и образ Родины сливались в единое целое, а земля также была связана с началом материнским и святым. Ориентируясь на традиционную русскую ментальность, о России, ее женской природе много и глубоко писали в свое время русские религиозные философы конца XIX – начала XX в: Н. Бердяев, Н. Лосский, в советское время – Д. С. Лихачев и другие². Можно вспомнить строки из блоковского «На поле Куликовом»: «О, Русь моя! Жена моя!» Этот образ, мифологический в своей основе, нередко встречается и в советских песнях: **«У моей России очи голубые, / Очи голубые, русая коса»** («Ты цветы, Россия» В. Левашова – Н. Палькина) или в популярной песне «Гляжу в озера синие» Е. Птичкина – И. Шаферана (1972): **«Гляжу в озера синие, / В полях ромашки рву, / Зову тебя Россию, / Единственной зову. / Не знаю счастья большего, / Чем жить одной судьбой, / Грустить с тобой, / Земля моя, / И праздновать с тобой»**. Мотив земли-матери, кормилицы – у А. Пахмутовой и Е. Долматовского: **«В земле наша правда, в земле наши корни, / И силы в плечах – от лугов и полей. / Земля и оденет, земля и накормит, / Ты только себя для нее не жалей. / ... / Зови меня дочкой, зови меня сыном, / А я тебя матерью с детства зову»**. («В земле наши корни» (1971)).

Среди песен о Родине особо выделяется «Родина моя» Д. Тухманова – Р. Рождественского (1972)). Это великолепный образец эстрадной песни, рассчитанной на профессиональное исполнение. Успех песни и ее массовую популярность обеспечили прежде всего яркая и оригинальная, остро современная музыка, сочетающая речитативное скандирование с его мощным жизнеутверждающим радостным напором, темпом, ритмом и распевающим мелодизм. Поэтический текст Р. Рождественского также неординарно раскрывает традиционный образ необъятных просторов России – им придается космический масштаб – и официальную идеологему о дружной семье народов страны, которая подается не абстрактно, но как это было в жизни – как будто через личные контакты жителей огромной страны, поющих песни на родных языках. Это сказочно-мифологическая страна без начала и конца, облаканная солнцем, с «солнечной судьбой», «необъятными реками», общим домом для советских людей: **«Я, ты, он, она, / Вместе – целая страна. / Вместе – дружная семья, / В слове „мы“ – сто тысяч „я“ / Большеглазых, озорных, / Черных, рыжих и льняных, / Грустных и веселых / В городах и селах»**. В песне раскрыт еще один из важных аспектов образа Родины – ее широты и необъятности ее просторов, красоты полей, лесов,

озер и рек, ее трав, цветов и деревьев, пения ее птиц. Этот аспект является одним из основных в советской песне вообще и песне 60–70-х гг., в частности. Конечно, музыкально-поэтическую высоту песне придавало и вдохновенное исполнение песни Софией Ротару, ее сильный, красивый, большого диапазона, красивого тембра голос.

Таким образом, образ Родины является одним из базовых, мифопоэтических и архетипических в русской культуре и русской ментальности. Советская культура приняла его, придала ему новые смысловые оттенки, включила в советский идеологический контекст. Широко использованный официальной культурой, он оказался принятым народом благодаря укорененности в его ментальности. Песня же, особенно лирическая, давая эмоционально-образное, мифопоэтически-музыкальное его воплощение, смогла сделать его близким, своим.

Прежде чем перейти к анализу песен, сделаем небольшое отступление о значении ландшафта для России. Важность места обитания народа, окружающих его природных условий отмечали еще в XVIII и XIX вв. представители географического детерминизма: Ш. Монтескье, Г. Бокль, Ф. Ратцель и др.³ О «месторазвитии» и его значении для культуры России писали отечественные «евразийцы» – Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский⁴. Из русских историков В. Ключевский начинал историю России с описания ее территории, особенностей климата и их предположительного психологического воздействия на народ⁵. Из философов значимость фактора пространства для формирования русской ментальности отмечал Н. А. Бердяев, посвятив этому специальный очерк «О власти пространства над русской душой» в цикле очерков «Судьба России»⁶. Из современных отечественных ученых наиболее известны идеи и работы Л. Н. Гумилева⁷. Небольшой очерк о просторе и пространстве в русской культуре написал Д. С. Лихачев, который уже в русских былинах находит слова о широте, безграничности пространства русской земли. Например, в «Былине про Соловья Будимировича»: «Широко раздолье по всей земли...». Завершая очерк, автор резюмирует: «Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека... Равнина ли определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине, потому, что она пришлась им по душе?»⁸. Народное самосознание зафиксировало такое представление и в песнях: «Ах ты, степь широкая», «Родина («Вижу чудное приволье»)» и др. Образ огромности пространства страны представлен и в советской песне.

Начало было положено «Песней о Родине» И. Дунаевского – В. Лебедева-Кумача (1935), где не только поется о широте территории, но и обозначаются ее южные и северные пределы: **«Широка страна моя родная / Много в ней лесов, полей и**

рек» и дальше: **«От Москвы до самых до окраин, / С южных гор до северных морей / Человек проходит как хозяин / Необъятной Родины своей»**. Для героя песни «Дума о Родине» С. Туликова – В. Малкова (1970) Россия – «страна великих расстояний». За широту и красоту Россию любят: **«За твою широту, за твою красоту / Я люблю тебя, Родина светлая!»** («Мать-Россия моя» С. Туликов – С. Островой). **«Ты размахом необъятна, / Нет ни в чем тебе конца»**, – констатирует герой песни «Россия» Д. Тухманова – М. Ножкина (1967). В современный гимн России С. Михалков включил в его текст этот традиционный образ России: **«От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля»**⁹.

«Привольные просторы» Родины заполнены «любимыми лесами, полями и горами», «зелеными лугами», «широкими реками» («Чайка крыльями машет» А. Лепина – С. Михалкова (1950)). И каждый из элементов ландшафта, упомянутого в этой пионерской песне, любовно описан и пролет в советской песенной лирике, которая рисует прекрасную пейзажную картину родной земли.

Самым распространенным в песнях является мифопоэтический образ дерева. Хотя в советской песне, особенно в 1970–1980-е гг., встречаются образы разных деревьев: дуба, клена, ели, сосны, ивы, березы, рябины, тополя, бесспорным фаворитом по количеству обращений, глубине поэтической и музыкальной разработки образа является береза. Образ березы многоаспектен, он вообрал в себя всю ментальную глубину отечественной культуры¹⁰.

Кроме березы флоральный образ России, ее полей представляют полевые цветы, прежде всего васильки и ромашки: («Цветы России» Е. Птичкина – В. Бутенко): **«Цветы России – скромные цветы, / Не раз от встречи с ними сердце пело. / Я узнаю страны своей черты / В небесном васильке, в ромашке белой. / Иду я чистым полем, не спеша, / И в сердце даль в цветах неповторимая. / Цветы, цветы – в них Родины душа / И красота необъяснимая»**. В «Васильках» (П. Аедоницкого – Я. Халецкого), с их красивой лирической мелодией и легким современным танцевальным ритмом, эти полевые цветы успешно конкурируют с традиционной розой как цветы любви: **«Словно песня без слов, / Говорят про любовь / Голубые огни васильков...»**. Герой песни считает васильки самыми красивыми цветами, они напоминают ему о голубых глазах любимой. Васильки отвечают взаимностью: **«И куда ни взгляни / Улыбаются людям они»**. В «Ромашковой Руси» (Ю. Чичкова – М. Пляцковского) каждый из трех куплетов песни заканчивается словами «ромашковая Русь», которая и **«в речке отражается»**, и на «ау!» откликается, и простирается **«на все четыре стороны»**. Ромашкой может быть и любимая, как в песне «Если б гармошка умела» А. Лепина – А. Фатьянова из к/ф «Солдат Иван Бровкин» (1955): **«Русая девушка в кофточке белой / Где ты, ромашка моя?»**.

Наряду с идентификацией России с ее ландшафтом, с ее травами, цветами, деревьями, встречается также связь образа России с ее певчими птицами – соловьями и дроздами. Одной из жемчужин советской песенной лирики может считаться песня «Дрозды» (В. Шаинского – С. Острового (1972)). Изобилующая широкими секстовыми и октавными ходами, мелодическими распевами, типичными для русских народных песен, и великолепно исполненная вокалистом группы «Песняры», эта песня покорила сердца слушателей и на долгие годы была одной из самых популярных.

У создателей «Соловьиной рощи» (Д. Тухманова – А. Поперечного) была непростая задача: создать песню, которая была бы не только продолжением, но и развитием образа соловья в отечественной песенной лирике. В современном репертуаре эстрады сохранился такой шедевр как «Соловей» А. Алябьева. На слуху у старшего поколения – «Соловьи» В. Соловьева-Седого – А. Фатьянова (1942).

«Соловьиная роща» дает современную интерпретацию соловьиной темы. Красивая распевная мелодия сочетается с синкопированным танцевальным ритмом, что характерно для танцевальной песни – жанра, востребованного в 70-е гг. Пение соловья, **«российского славного птаха»**, **«маленького волшебника белой рощи»**, изгоняет печаль и тревогу из души, открывает перед героем радужную жизненную перспективу: **«Из полей уносится печаль / Из души уходит прочь тревога / Впереди у жизни только даль / Полная надежд людских дорога / И земля становится родней / И сердцам понять друг друга проще»**. Обаяние песне придает и задушевно-лирический баритон Льва Лещенко, звезда которого возшла в 1970-е гг.

Тема Родины и земли с конца 1950-х гг. обрела еще одно, новое, космическое измерение в связи с началом освоения космоса, в котором у СССР первоначально был приоритет: запуск первого искусственного спутника земли (1957) и первый полет Ю. Гагарина вокруг Земли (1962). **Космическая тема, тема освоения космоса** стала одной из важнейших составляющих идеологической пропаганды и широко разрабатывающейся темой искусства, в том числе – песни. В общественное сознание активно внедрялся образ земли, какой она выглядит с околоземной орбиты: **«Земля, Земля, растались мы с тобой / Плывет внизу зеленый дом родной. / Земля, Земля, мы слышим голос твой. <...> Волшебный шар в зеленом ореоле»** («Земля, земля», А. Бабаева – В. Семернина). Но вообще-то из космоса земля выглядит голубой, синей («Планета у нас голубая» С. Соснина – К. Ибряева).

Выход в космос дал человечеству новое измерение собственной жизни и новое понимание места Земли во Вселенной. Но люди по-прежнему ощущали себя прежде всего детьми Земли, притяжение которой для них было первостепенным и которая воплощалась в привязанности к родной природе, к деревне и городу, друзьям и любимым,

жизненному пути, дороге, по которой можно было еще пройти. Естественно, что Земля оставалась при этом архаической матерью: «**Спят у матери-планеты / Дети на руках... / ... / У кормилицы-планеты / Дети на руках...**» («Песня о матери-планете» А. Пахмутовой – Н. Добронравова (1986)). Близкий этому образ – в одной из замечательных песен Д. Тухманова и Р. Рождественского «Притяжение земли» (1978): «**Как безмерно оно – притяжение Земли, / Притяжение полей и печальных раки, / Всех дорог, по которым мы в детстве прошли, / И дорог, по которым пройти предстоит. <...> Мы – дети Галактики, / Но самое главное, – / Мы дети твои, дорогая Земля!**». Сыновья чувства к Земле испытывают герои песни «Трава у дома» В. Мигули – А. Поперечного (1983): «**Земля в иллиминаторе видна / Как сын грустит о матери / Грустит мы о Земле – она одна. А снится им «не рюкот космодрома», а «зеленая трава у дома**». В исполнении ансамбля «Земляне» музыка песни звучит в духе новой музыкальной рок-стилистики, развивающейся в рок-ансамблях и ВИА с середины 1960-х гг. В песнях озвучивался и важный как для идеологии, так и для общественного сознания мотив первенства в космосе. О нем, в частности, поется в популярной песне 1960 г. «Я верю друзья» (О. Фельцмана – В. Войновича): «**Когда-нибудь с годами припомним мы с друзьями, / Как по дорогам звездами вели мы первый путь, / Как первыми сумели достичь заветной цели / И на родную Землю со стороны взглянуть**».

Расширившись до космических пространств, Родина продолжает сохранять связь с «малой Родиной». Эта тема просто и проникновенно прозвучала в песне «С чего начинается Родина» (В. Баснера – М. Матусовского (1968)) из телесериала «Семнадцать мгновений весны». И фильм, и песня обрели невероятную популярность, пользовались всенародной любовью. Слушателей подкупало и то, что разговор о Родине был простым и строился вокруг житейских, бытовых, понятных каждому вещей. Доверительным характером, задушевностью отличалась и мелодия песни, красивая, с широкими мелодическими ходами и вальсообразным ритмом.

Малая Родина – это «уголок России» в одноименной песне В. Шаинского – Е. Швелевой (1976), где находится родительский дом, о которой герой вспоминает с нежностью и любовью. Любовь к родному краю, к отчужденному дому проявляются через любование красотой русской природы. Здесь и традиционный русский простор, и березки, и «немного грустные глаза и песни русские». Мелодия припева, несущая основное образно-эмоциональное содержание песни, отличается широким дыханием, распевностью, что роднит ее с традиционной русской песней.

Дому как неотъемлемому элементу национальной картины мира посвящено немало количество песен.

В русской ментальности концепт «дом» имел в прошлом и сохраняет в настоящее время приоритетное значение. Как пишет Н. Л. Чулкина, изучившая современное языковое сознание россиян, «дом» входит в ядро языкового сознания русских и занимает вторую позицию, во время как у испанцев – десятую, у англичан – двадцать вторую¹¹. Неудивительно, что концепт «дом», дом как феномен культуры, прежде всего русской культуры, активно исследуется в последние годы фольклористами, культурологами, лингвистами. Наряду с монографическими исследованиями маститых ученых к нему обращаются и молодые авторы¹².

Анализ работ, посвященных феномену и концепту «дом», дает основания утверждать, что в современной языковой картине русских достаточно актуальны некоторые его древние, «ядерные» смысловые пласты. Во-первых, дом может пониматься как вся территория хозяйственной и всякой иной совместной деятельности сообщества людей, хозяйственно и ментально освоенный ареал их обитания. При таком понимании домом может быть вся страна, континент, планета в целом. Во-вторых, дом – прежде всего люди, живущие вместе, объединенные общими условиями существования и интересами. В первую очередь – это семья, дети и родители. Исследователи отмечают, что для русской языковой картины мира наиболее важные ассоциации концепта «дом» – это семья, родители, дети, уют, очаг; дом – родной, теплый, светлый. Главенствующее место среди них занимает «семья»¹³. Посмотрим, насколько и как представлены эти и, возможно, другие смыслы и смысловые обертоны концепта «дом» в текстах массовой советской песни 1970–1980-х гг.

Ощущение единого, общего дома-страны, родственного и близкого в любой точке необъятного пространства СССР, запечатлено в песне «Мой адрес – Советский Союз» (Д. Тухманова – В. Харитоновна (1972)). Герой песни – строитель «светлого будущего», переезжающий из одного места «великой стройки» коммунизма в другое, номера телефонов которого «**разбросаны по городам**», связан с близкими и друзьями «**колесами вагонными**» и «**телефонными номерами**». Он вправе петь: «**Мой адрес – не дом и не улица, / Мой адрес – Советский Союз**».

В песнях дом – это свое, обжитое, близкое, родное, знакомое, стабильное, пространство. Прежде всего – это дом детства, родительский, отчий дом. («Родительский дом» В. Шаинского – М. Рябинина; «Отчий дом» Е. Мартынова – А. Дементьева (1973)), который согрет душевным теплом и любовью матери, неразрывно связан с образом матери: «**Радость или грусть нас ждут потом, / Но всему начало – отчий дом. / Там у колыбели матери нам пели / Песню любви**». Этот дом и его образ идет с человеком по жизни как место самых дорогих событий и воспоминаний. Оно постоянно притягивает, «зовет» к себе, согревает даже в воспоминаниях царившей в нем любовью. «**Первый шаг от порога родного / Начинает дорогу домой**»

(«Дорога домой» С. Касторского – Е. Звонцова) (вторая половина 1960-х гг.). Герой песни «Родительский дом» (В. Шаинского – М. Рябинина (1981)) уверен: **«Где бы ни были мы, но по-прежнему / Неизменно уверены в том, / Что нас встретит с любовью и нежностью / Наша пристань – родительский дом. / Родительский дом – начало начал, / Ты в жизни моей надежный причал...»**.

Уход, отъезд, бегство из дома, а затем – тоска по дому, возвращение домой – мотивы, многократно разработанные в мифах, литературе и широко представленные в текстах песен. **«Мир полон радости и счастья...» Но «край родной милей всего. / И так прекрасно возвращаться / Под крышу дома своего»** (Ю. Антонов – М. Пляцковский «Под крышей дома своего» (1983)). В сериале «Семнадцать мгновений весны», который собирал у телевизоров в начале 1970-х гг. большую часть населения страны, герой вспоминает о Родине, за кадром звучит песня: **«Я прошу, хоть ненадолго / Грусть моя, ты покинь меня, / Облаком, сизым облаком, / Ты полети к родному дому, / Отсюда к родному дому»**. («Песня о далекой Родине» М. Таривердиева – Р. Рождественского (1972))¹⁴.

Знаком открытости, доброжелательности, гостеприимства являются открытые двери дома и свет в окнах. Героя песни «Отчий дом» Е. Мартынова – А. Деметьева ждет **«...наш домик в три окна. / Ближе ли, далеко – свет родимых окон / Вечно не померкнет для меня»**. В «Отчем доме» С. Пожлакова – Л. Лучкина нежная лирическая мелодия, ласковый и проникновенный голос исполнительницы О. Вардашевой утешают оставленный героиней дом, обращаясь к нему как к живому существу: **«Не печалься, мы уходим не напрасно, мы придем»**. Условие возвращения – **«пусть в твоём окне огонь не гаснет, / отчий дом, отчий дом»**. Героиня популярной рок-оперы «Юнона и Авось» А. Рыбникова – А. Вознесенского (1981) Кончита мысленно обращается к возлюбленному со словами: **«Чтобы в пути тебе было светло / Я свечу оставляю в окне»**.

Итак, образ дома оказывается неразрывно связан с уходом, дорогой, ведущей в большой мир, и возвратом домой. А тема пути-дороги, будучи распространенной в традиционной культуре, фольклоре, широко представлена и в советской культуре.

Примечания

¹ См. также: «Россия моя, золотые края» (сл. С. Острового); «Родина – весна моя!» (сл. Н. Добронравова (1983)); «Родина любимая моя» (сл. А. Достая (1957)); «Сын России» (сл. В. Харитонов (1973)); «Дума о Родине» (сл. В. Малкова (1970)); «Родина» (сл. Ю. Полушина (1960)); «Россия – буря» (сл. В. Харитонов (1970)); «Я о Родине пою» (сл. Н. Доризо (1981)).

² Бердяев Н. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 41, 65; Лосский Н. О. Характер русского народа // Лос-

ский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Республика, 1991. С. 236–366; Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984. 64 с.; Его же. О национальном характере русских // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 3–6.

³ Географический детерминизм // География: современ. иллюстр. энцикл. / под ред. проф. А. П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 20.10.2010).

⁴ См.: Евразийство: ключ. идеи, ценности, полит. приоритеты / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории: в 3 т. М.: Ист. лит., 2002. Т. 1. 298 с.

⁶ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 62 и далее. См. об этом также: Степанов Ю. Константы: слов. рус. культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. С. 172–174. О природе как факторе культуры России писал И. В. Кондаков в заключительном разделе «Российская цивилизация как целое» книги «Культурология: история культуры России» (М.: Омега-Л: Высш. шк., 2003. С. 493–501).

⁷ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Аст: Астрель, 2005. 512 с.; и др.

⁸ Лихачев Д. С. Простор и пространство // Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Совет. Россия, 1984. С. 12.

⁹ Текст Государственного гимна Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ № 2110 от 30 дек. 2000 г. / сл. С. Михалкова. URL: <http://gov.ru> (дата обращения: 30.09.2013).

¹⁰ См.: Лелеко В. В. Образ березы в советской массовой песне 1960–1980-х гг. // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: аспирант. тетр.: науч. журн. 2009. № 101. С. 335–339.

¹¹ Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурол. описание. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004. С. 133.

¹² Байбурина А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.; Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. 619 с.; Мазалова Н. Е. Человек и дом: тождество рус. представлений // Сб. Музея антропологии и этнографии. СПб., 1999. Т. 47. С. 101–110; Ли Ли. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «дом» с позиции носителя китайского языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2006. 20 с.; Петрова М. Образ дома в фольклоре и мифе // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы науч. конф., 20–21 окт. 1999 г. СПб., 1999. С. 59–61; и др.

¹³ Ли Ли. Указ. соч.; Чулкина Н. Л. Указ. соч. С. 134–135.

¹⁴ О том, как создавалась музыка к фильму, о его огромном успехе, в том числе и музыки, о первых премиях, которые получили обе песни (кроме указанной, – «Мгновения») на телефестивале «Песня–72» см.: Таривердиев М. Я просто живу. М.: Вагриус, 1997. С. 104–110.